

СТРАНИЦА
ВОСЬМАЯ4 ЯНВАРЯ 1942 ГОДА,
ВОСКРЕСЕНЬЕ

Книжный червь, маловато практического опыта...

...МЫСЛИ МОИ снова там, в милом сердцу городке, где родился и вырос, где остались дорогие друзья. Да — «Есть на свете город Луга...».

В который уж раз вспоминаю душный августовский вечер. Оттого ли, что к ночи собралась гроза, или оттого, что весь день лупили по центру города минометы, но дышать было трудно. Окна были распахнуты настежь, стекла из них вылетели еще в первую бомбежку, и все равно воздуха не хватало.

Мы сидим на третьем этаже райкомовского дома в просторном кабинете первого секретаря райкома Ивана Дмитриева.

Формирование партизанских отрядов началось еще две недели назад. Заложили запасы продовольствия в лесных тайниках, договорились с командованием об оружии, утвердили на бюро райкома списки добровольцев.

Вся подготовка в строгом секрете, но от меня почти ничего не скрывали — свой, дескать, парень, здешний. Да и конспираторы из моих товарищей, по правде говоря, были неважные, учиться еще нужно было этому искусству.

— Скажи, Ваня, а не страшно тебе? — спросил я.

— Чудак-человек, зачем об этом говорить? — отвечает Иван. — Кто я такой, в сущности? Есть у меня военный опыт, необходимые знания? Могу я быть командиром? Стало быть, учиться придется по ходу дела, как тому щенку, которого швырнули в воду...

Лампы мы не зажгли — в кабинете полумрак. На лице Ивана отсветы пожара.

— Слишком много было глупостей, с которыми мы свыклись. Слишком много было у нас шапкозакидательства. Ты помнишь наши осоавиахимовские походы? Ведь это же цирк! Маршировали с учебными винтовками, из которых даже выстрелить невозможно. С субботы на воскресенье, вместо выезда на рыбалку... А еще считали, что заняты укреплением обороноспособности страны. Разве это не глупо было?

Иван ходит из угла в угол просторного кабинета, говорит уверенно, убежденно.

Я знаю его вот уж десять лет. Был он у нас комсомольским культпропом. Потом забрали его на партийную работу, назначили заведовать парткабинетом. Вечно где-то учился и вечно в заочниках. До самозабвения любил русскую историю, пролив ходячей энциклопедией. Если кому-

нибудь требовалось узнать, в каком году заключен Сен-Стефанский мирный договор или когда Суворов отличился в Альпах, снимали телефонную трубку и звонили в парткабинет.

За полгода до войны Ивана выдвинули в первые секретари райкома. Некоторые, признаться, не одобрили это выдвижение: «Книжный червь, маловато практического опыта — вряд ли потянет». Но «книжный червь» впрягся и заработал всерьез, а когда грянула война и немцы подошли к городу, и вовсе удивил многих, обнаружив блестящие организаторские способности.

Два месяца войны неузнаваемо изменили моего друга. Человек вырос, возмужал, сделался дальновидным и предусмотрительным, как того требует возложенная на него ответственность.

Сейчас, озорно усмехнувшись, Иван полез к себе в письменный стол, долго шуршал бумагой, делая вид, что поиски очень трудны, и вдруг поставил на стол бутылку портвейна. Следом за бутылкой появилась непечатаемая головка сыра.

— Дары наших райпотребсоюзозцев, — объясняет он. — Давай-ка, дружище, выпьем на прощание по маленькой!

И мы садимся друг против друга в кожаные кресла для посетителей.

— Ты не медли, ищи своего шофера, — говорит Иван. — Надо ехать в ночь, так будет вернее. За твои успехи, товарищ старший политрук!

— За успехи партизан! За нашу с тобой встречу в день победы!

— Сделаем все, что сможем! — пообещал Иван на прощанье. — И даже чуточку больше того. Ну а коли что... Как говорили в старину — мертвые сраму не имут. Ведь так?

В оккупированной Ленобласти действовали 84 партизанских отряда, на которые после войны пытались «списать» жестокость фашистов в оккупации.

СТРАНИЦА
ДЕВЯТАЯ13 ФЕВРАЛЯ 1944 ГОДА,
ВОСКРЕСЕНЬЕ

Въехал в родной город «товарищ Д.»

...НЕОТСТУПНО Я ДУМАЛ О ЛУГЕ, о сожженном фашистами доме детства, об оставшихся в городе товарищах, о судьбе которых я толком ничего не знал...

Пасмурным днем 12 февраля в Лугу вступили передовые подразделения 67-й армии. И, не задерживаясь, войска двинулись вперед.

А часов через двенадцать — как рассказывают — в городе появилась группа всадников, вооруженных по большей части трофейными «шмайссерами». Одеты они были пестро: кто в стеганный ватник, закоптившийся от костра, кто в армейский полушубок. По легкой посадке было видно, что люди это бывалые.

Забравшись на вершину Лысой горы, всадники придержали коней. Внизу, в Заречье, открылась перед ними безотрадная картина. Город, в который они спешили всю ночь издалека, медленно догорал. Сиротски пахло пожарищами и еще чем-то железным и горьким, чем пахнет война.

Возглавлявший группу бородач отъехал в сторону:

— Смотрите, товарищи, и запоминайте. Вот она какая — победа.

Именно так позавчера на рассвете въехал в Лугу, в родной город, знаменитый «товарищ Д.», которого не однажды упоминали в сводках Совинформбюро как руководителя смелых партизанских операций. Это его голову гестаповские чины оценили в двадцать пять тысяч наличных. Плюс еще две дойные коровы и две бутылки шнапса. Листовочки висели во всех деревнях округи. А теперь пора их определить в музей.

Въехал «товарищ Д.» в родной город, отсалютовал ему очередь из автомата и обрел фамилию, имя, отчество — как все люди, став Иваном Дмитриевичем Дмитриевым.

Вчера мы с ним встретились.

Райком размещается в Заречье, в небольшом дачном домике, каким-то чудом уцелевшем от огня. Я с трудом отыскал его крохотные комнатенки, оклеенные веселыми летними обоями.

После объятий и взаимных расспросов Иван сказал с усмешкой:

— И вот бороды я не успел состричь. Столько времени мечтали вернуться — отдохнуть после партизанщины. Но

работы здесь, как видишь, на двадцать четыре часа в сутки.

Пока мы разговаривали — всего-то полчаса — пришли и ушли человек десять. И у каждого свой вопрос, на который не просто ответить. Из пригородного сельсовета интересуются, будут ли семена для сева. Вновь назначенный начальник райотдела милиции просит отрядить несколько бывших партизан для поддержания порядка. Старуха в черном шерстяном платке говорит о бессовестной, потерявшей стыд Настенке П., которая всю оккупацию путалась с немецкими офицерами, а теперь хвастается, что у нее ночевал русский подполковник.

Цветущий когда-то район стал выжженной пустыней. Начисто уничтожено шестьдесят деревень — остались одни печные трубы и обгоревшие деревья. Угнаны тысячи голов скота. Заминированы и продолжают взлетать на воздух сохранившиеся каменные здания. Ждут специалистов-минеров из Ленинграда. Кругом черные пожарища, нищета, смрадные запахи тлена и смерти.

Грустна участь победителей, но безмерна сила надежды...